

*Детективы
о женщине-стихи*

**Собирайте книги Ирины Градовой —
истории женщин, которые
научились побеждать:**

Сколько стоит твоя смерть
Жена государственной важности
Инстинкт хищницы
Слишком легко, чтобы умереть
Рай для неудачниц
Соло на раскаленной сцене
Танцующая в волнах
Хоровод обреченных
Химия преступной страсти
Хроники ревнивого сердца

Ирина **ГРАДОВА**

**Хроники
ревнивого
сердца**

**Москва
2017**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Оформление серии *Н. Никоновой*

Градова, Ирина.
Г75 Хроники ревнивого сердца : [роман] /
Ирина Градова. — Москва : Издательство
«Э», 2017. — 352 с. — (Детективы о женщине-
стихии).

ISBN 978-5-699-98303-2

Доктора Агнию Смольскую разрывают противоречия между долгом и чувством. Она не может пойти против совести и сознательно навредить пациенту, но и предать любовника-врача, по вине которого страдают больные, Агния не в силах. И если бы только это! Есть еще муж с его долгом, из-за которого Агнию шантажируют бандиты, и совсем новый мужчина — в чувствах к нему доктору Смольской еще предстоит разобраться. Слишком все запуталось в ее сердце — а ведь в чужих сердцах для нее, анестезиолога со стажем, нет никаких тайн...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Градова И., 2017
ISBN 978-5-699-98303-2 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Снегу навалило по колено — я даже не ожидала, что такое может произойти всего за одну ночь! Зима на дворе, середина декабря, но все уже давно устали ждать снегопада. Дошло до того, что президенту на пресс-конференции задали вопрос: «Когда, наконец, выпадет снег?» И вот, как будто и это тоже зависело от политики правительства, — как по заказу! Гуляя утром с Кусей и загребая снег штанами, я, наверное, радовалась не меньше ее. Собака носилась как оголтелая, ныряя в сугробы с головой и выпрыгивая на поверхность в белой «маске», яростно отфыркиваясь и встряхиваясь, словно после купания. Со стороны, вероятно, зрелище довольно устрашающее. Дело в том, что Кусю на самом деле зовут Кассандра дель Рио и принадлежит она к породе черных терьеров. Размеры? Представьте себе молодого медведя, мохнатого, с тяжелыми лапами и огромной головой! Зато ни я, ни мой семнадцатилетний сын Данька, который с недавних пор предпочитает, чтобы все величали его не иначе как Дэном, не испытываем ни тени страха, прогуливаясь по темному парку рядом с домом: вряд ли найдется грабитель или хулиган настолько смелый, чтобы рискнуть подойти к нам в присутствии Куси. Да ведь он и предположить не

может, что лучше этой собаки не сыскать, а проверить на собственном опыте вряд ли захочет...

Погода немного подняла мне настроение, которое в последнее время так себе. С тех пор как умер заведующий отделением ортопедии и травматологии в больнице, где я работаю, врачей трясло как в лихорадке. Не то чтобы дела шли плохо, но состояние постоянной неуверенности в завтрашнем дне начинало утомлять. Дело в том, что, с одной стороны, Роберт Караев, исполняющий обязанности заведующим и по совместительству являющийся моим любовником вот уже больше двух лет, совершенно уверен, что его «и.о.» непременно перерастет в утверждение на место покойного Сергея Гурьевича Ивахина. Что ж, Роберт хороший хирург, даже, можно сказать, отличный, только, похоже, главный врач больницы имеет на этот счет свое мнение. Вполне вероятно, что у него есть свой ставленник на вакантную должность, и Роберт, понимая это, нервничает. Его нервозность передается всем нам — тем, кто с ним работает (и кто с ним спит, между прочим!). А таких как минимум двое — я и его жена Валя. Хотя в последнее время мне стало казаться, что нашего полку прибыло: операционная сестра Людочка Портнова, довольно хорошенькая, все чаще ведет себя со мной нагло, а еще я несколько раз видела, как она вышла из временно занимаемого Робертом кабинета заведующего отделением с победоносной улыбкой на лице. Мы с Людой друг друга не выносим — и не я инициатор таких отношений. Она пришла на отделение примерно четыре года назад, и с самого начала наше общение не заладилось...

Слава богу, я приписана к отделению анестезиологии и реанимации, а потому проблемы, связанные с назначением нового зава травматологии, касаются меня лишь постольку-поскольку. Тем не менее я довольно часто работаю с ортопедами и в какой-то степени ощущаю собственную причастность ко всем событиям в отделении. И не могу не думать о том, какой нелепой и трагической была смерть Сергея Гурьевича. Это надо же — инфаркт хватил его прямо на рабочем месте, в собственном кабинете. Кажется, при этом присутствовал Роберт — во всяком случае, именно он поднял тревогу и пытался оказать первую помощь, однако Ивахин скончался, не дождавшись реаниматологов. На самом деле этого следовало ожидать, ведь у него уже был один тяжелый инфаркт, после которого зав оправлялся больше года.

Ивахина в отделении любили. Не то чтобы при нем все процветало — скорее даже наоборот, но Сергей Гурьевич умел жить в ладу с коллективом. Люди сквозь пальцы глядели на то, что старый зав здорово запустил положение дел — во-первых, из уважения к его докторской степени и прочим регалиям, коих было множество, а во-вторых, по причине его уживчивого характера и нежного отношения к подчиненным.

В сущности, что нужно работнику от начальства? Высокая зарплата? У большинства врачей она строго фиксирована, так что не забалуешь. Комфортные условия? Практика показывает, что русский человек приспособливается к любым условиям, как плесень и тараканы. Главное — чтобы не мешали работать. Сергей Гурьевич Ивахин полностью соответствовал

этому требованию: он не путался под ногами, и дела шли как будто сами собой, ни шатко ни валко.

А теперь, после его смерти, народ затаил дыхание и ждал, кто же придет на его место. От этого зависело, изменится ли что-нибудь в жизни персонала или все останется как было. На самом деле почти все, я думаю, боятся прихода «новой метлы» и предпочли бы руководство Роберта. Не скажу, что он, под стать Сергею Гурьевичу, человек мягкий и приятный, но, во всяком случае, за то время, что он исполнял обязанности зава, все шло как обычно. Возможно, Роберт более жесток в обращении с людьми, но он, по крайней мере, был «своей метлой».

Так вот, шла я себе, наслаждаясь падающими белыми хлопьями, задрал голову кверху и совершенно забыв о том, что беспечность и утрата бдительности чреваты последствиями — и, как правило, малоприятными. Нога моя заскользила по льду, сверху конспиративно прикрытому воздушным слоем снега, и я, как стог сена, укутанная в теплую шубу и ограниченная в свободе движений, необходимой для маневра, повалилась на дорожку. В голове у меня промелькнула всего одна мысль: шла на операцию, а теперь, того и гляди, сама окажусь на больничной койке с переломом чего-нибудь — благо отделение ортопедии и травматологии в любом случае являлось местом моего назначения на сегодня!

Особой боли при падении я, как ни странно, не ощутила. А затем две сильные руки подхватили меня под мышки и поставили на ноги.

— Не ушиблись?

Я подняла глаза. Зубы. Два ряда почти безупреч-

но ровных белых зубов — вот что было первым из увиденного мной. Вернее, первым, что я *заметила*.

— Н-нет, кажется.

— Уверены?

Остальное, между прочим, тоже ничего себе: здоровая кожа, крупный прямой нос, большой рот, русые, немного взлохмаченные волосы и серо-зеленые в крапинку глаза.

— Кажется, да, — ответила я.

— Когда уверены, ничего *казаться* не должно, — трезво заметил незнакомец. — Ничего не вывихнули, не сломали? На ногу встать можете?

Я осторожно опустила ногу на снег и перенесла на нее вес. Ощущения опасений не вызывали. Видимо, мужчина тоже это понял.

— Ну, идите осторожнее, — посоветовал он напоследок. — А вообще-то непорядок тут: надо дорожки хотя бы песком посыпать, что ли...

Глядя ему в спину, я подумала, что мне уже чертовски давно никто не нравился вот так — с первого взгляда, будто в ранней юности. Хотя, пожалуй, в том возрасте нравятся все подряд — прерогатива молодости. С годами я стала невероятно разборчивой. Вот и мама постоянно говорит: «Выбираешь все, выбираешь, нос воротишь, а годы-то, между прочим, уходят! Этот — нехорош, тот — тоже не слава богу, какого же рожна тебе, дочь, подавай? Довыбиралась со своим Славкой, да? Вот уж чудо в перьях, счастье невероятное! И далеко ты с ним ушла? Вместе жили — покоя не знала, а теперь вообще отвалил в неизвестном направлении — ищи его свищи!»

Эх, мамуля, ты ведь и половины не знаешь... А мужик тот ничего, классный. И одет так, как мне нравится, — не в куртку и кепку, а в длинное коричневое пальто... Однако надо пошевелиться, а то недолго и на работу опоздать. Перед операцией мне требуется по крайней мере час, чтобы прийти в себя после поездки на общественном транспорте, переодеться, выпить кофе и настроиться. По натуре я человек медлительный, решения принимаю подолгу, все люблю делать тщательно. Это всегда раздражало моего бывшего. И бог с ним.

На проходной меня, как всегда, поприветствовал охранник Степаныч. Когда называешь кого-то Степанычем, кажется, что речь идет о человеке старом или по меньшей мере пожилom. Нашему Степанычу едва стукнуло сорок пять, и выглядит он, как бравый поручик Ржевский из анекдотов. И не только выглядит — ведет себя совершенно в соответствии с этим образом. Сколько раз Степаныч ко мне подкатывался — сказать не могу, со счета сбилась, но он попыток не оставляет. Наши отношения можно называть постоянным флиртом — он никогда не отпускает меня, не одарив комплиментом и не попросив в очередной раз о свидании. К его чести надо сказать, что все особы женского пола без исключения удостаиваются его пристального внимания, если, конечно, они еще не вышли на пенсию.

— Агния, красавица наша пришла! — радостно протрубил он, разводя руками, словно и не ожидал увидеть меня.

— Да брось ты, Степаныч, — отмахнулась я, хотя в глубине души мне всегда приятны его слова. — Вот,

шлепнулась на ровном месте, шапка съехала, шуба перекосилась, а ты все туда же!

— Упали? — озабоченно переспросил он. — Сильно ударились?

— Да нет, не сильно, — успокоила я. — Но красота помялась.

— Есть красота, которая никогда не увянет, — высокопарно заявил охранник. — Когда в ресторанходим, Агния Кирилловна?

— Когда жену пристроишь за хорошего человека, тогда и поговорим.

— Так это ж когда будет!

— Значит, подождем, Степаныч, — усмехнулась я и двинулась по коридору к лифту.

Почему-то именно сегодня мне вспомнился первый раз, когда я вошла сюда через служебный вход. Было это тринадцать лет назад, и нас, шесть человек молодых ординаторов, направили именно в эту больницу. Я тогда и думать не могла, что задержусь здесь на такой долгий срок! Эти коридоры пугали меня, потому что казались бесконечными, темными тоннелями, из которых нет выхода. Первые две недели я постоянно терялась. Блуждая по коридорам, отчаянно вчитывалась в надписи на дверях и над головой, пытаясь понять, где нахожусь. Мне стыдно было спрашивать дорогу у пробежавших мимо врачей, ведь на мне тоже красовался белый халат, а выглядеть зеленым новичком так не хотелось! Пациенты уже обращались ко мне «доктор» или по имени-отчеству, но я сама чувствовала себя так неуверенно, что порой хотелось сесть прямо посреди этого бесконечного коридора и разреветься, как в детстве.

Теперь мне знаком здесь каждый угол. Я могла бы с завязанными глазами пробежаться по всем этажам и безошибочно определить свое местоположение. Особенно хорошо я знаю подвальные помещения, где располагаются операционные, отделение анестезиологии и реанимации на первом этаже и ортопедии и травматологии — на четвертом. Туда-то я и поднялась на служебном лифте, прихватив по пути старушку с палкой, явно заплутавшую в коридорах и не нашедшую общественный лифт. Судя по палке — наш пациент.

— Вы в ортопедию? — поинтересовалась я.

— Да, — подтвердила она. — Мне уже раз пять объяснили, как дойти до лифта, но я нашла только этот, а он, оказывается, служебный...

— Поехали! — скомандовала я, пропуская бабульку вперед и нажимая на кнопку с цифрой 4.

Выйдя на своем этаже, я с удивлением отметила, что вокруг стоит полная тишина, этому отделению не свойственная. Обычно здесь всегда царит легкий хаос — снуют врачи, переругиваются пациенты и нянечки, смеются медсестры. Сегодня климат явно отличался от обычного!

Проходя мимо большого зеркала, висевшего при входе в отделение, я притормозила. Что ж, могло быть и хуже — учитывая обстоятельства падения! Я сняла шапку и слегка пригладила волосы, с неудовольствием заметив один седой у самого виска. И как это я проглядела его, собираясь на работу? Я всегда гордилась своими волосами — длинными, гладкими и черными. В молодости я много экспериментировала с их длиной и цветом, обесцвечи-

вая, завивая и придумывая другие пытки, стараясь сделать себя похожей на своих киношных кумиров. Годам к двадцати пяти я наконец сообразила, что *натуральной* блондинки из меня не получится, вернула естественный цвет и стала носить волосы распущенными, расчесывая их на прямой пробор. Мой бывший считал, что это чертовски сексуально. Может, так оно и было, только вот неудобств такая прическа доставляла массу. Достигнув тридцати с гаком и защитив диссертацию, я решила, что ходить распустехой несолидно, тем более что на работе все равно приходилось прятать гриву под шапочку. И я придумала себе новый стиль — вернее, «слизала» у ранней Мадонны: стала делать длинный хвост, туго стянутый на затылке. Во время операций я просто сворачивала из него пучок и закалывала шпильками. Кстати, я заметила, что таким образом прекрасно разглаживаются морщины на лбу, а глаза становятся зрительно больше!

Расстегивая на ходу шубу, я вошла в ординаторскую. Вообще-то положено оставлять одежду в гардеробе, вместе с простыми смертными, в смысле, с пациентами, но, хоть нас и пропускают без очереди, я предпочитаю раздеваться там, где на меня не смотрят. Все столы в ординаторской оказались заняты — кроме моего. У меня не было стола до тех пор, пока Роберт не решил, что, поскольку я часто присутствую здесь, мне не годится ютиться в углу и довольствоваться временно свободными местами других врачей. Он распорядился поставить в помещение еще один стол, отчего маленькая комнатка стала казаться еще меньше.

— О, Агния, привет! — поднял веселые глаза Гоша Савельев, один из ортопедов, с которыми у меня с самого начала установились дружеско-покровительственные отношения. В роли покровителя выступаю я, как старшая и выдержанная по характеру. Гоша спал и видел себя в роли прославленного хирурга и уже несколько лет безуспешно пытался получить лицензию на проведение сложнейших операций по замене тазобедренного и коленного суставов.

— Хочешь анекдот? — спросил Савельев.

По его виду было заметно, что мое мнение спрашивается только из вежливости.

— Господи, опять! — простонал Антон Федоренко, огромный, как платяной шкаф времен Марии-Антуанетты. — Хоть ее-то оставь в покое!

— Так вот, — словно не слыша, продолжал Гоша. — Приходит старик к ортопеду и говорит: «Доктор, у меня очень болит правая нога». Врач пожимает плечами. «Что вы хотите? Возраст...» Старик возражает: «Но ведь левой ногой столько же лет, а она не болит!»

И Гоша звонко расхохотался, хлопая себя по ляжкам. Чтобы его не расстраивать, я тоже посмеялась, хотя анекдот старый, я его много раз слышала, причем в гораздо лучшем исполнении. Антон только закатил глаза, показывая, как ему осточертел наш остряк.

— А что это в коридорах так тихо? — поинтересовалась я, присаживаясь и доставая косметичку, чтобы заняться наконец лицом. Я не люблю делать макияж перед выходом из дома, во-первых, потому что просто не успеваю, а во-вторых, знаю, что за время поездки вся «красота» может испариться.

— Так ты что, не в курсе?

— Не в курсе чего? — переспросила я, занервничав. Ненавижу сюрпризы!

— Ах да, тебя же не было в отделении пару дней, верно? — внезапно припомнил Антон. — У нас новый зав, прикинь!

— Уже два дня — и никто не соизволил мне сообщить? — сердито буркнула я.

— Да только вчера приказ пришел, перед концом рабочего дня, — начал оправдываться Антон. — Половина состава вообще сегодня узнала!

— Значит, Роберта обскакали? — пробормотала я.

— Ага! — почти радостно согласился Антон. Всем известно, что они с Караевым друг друга недолюбливают, и, наверное, в глубине души Федоренко аплодировал главному за то, что он обошел Роберта назначением. Больше всего, разумеется, мой любовник должен злиться из-за того, что уже давно убедил всех, что именно он и станет заведующим. Теперь ему придется выслушать немало острых замечаний — за время исполнения обязанностей зава он уже успел насолить немало количеству людей.

— А я его уже видел! — сообщил Гоша.

— Заливай! — фыркнул Антон.

— А вот и видел! — возразил Гоша. — Мы поздоровались.

— А откуда ты узнал, что это — новый зав? — спросила я.

— Тут не надо быть детективом, — пожал плечами Гоша. — Он спросил, где кабинет заведующего, а когда я показал, то открыл его своим ключом!